

АПОСТОЛЬСКОЕ ПРЕДАНИЕ.

(Продолженіе *).

ГЛАВА ВТОРАЯ.

ВТОРАЯ ГЕНЕРАЦІЯ СВИДѢТЕЛЕЙ

ОТЪ 90 ГОДА ДО 160 ГОДА ПО Р. ХР.

I. Игнатій.—Посланіе Варнавы.—Поликарпъ.—Папій.—Кодратъ.—Іустинъ мученикъ.—Поинъ.—Эрма.—Посланіе къ Діогнету.—Многочисленныя лица, пережившія вѣкъ Апостольскій.—Авторитетъ устнаго преданія при преданіи письменномъ.

II. Критическая школа и четвертое Евангеліе.—Тишендорфъ и труды его.—Цитаты изъ Евангелій въ сочиненіяхъ отцевъ церкви, въ апокрифахъ, въ сочиненіяхъ еретиковъ: Василида, Валентина, Маркіона,—въ твореніяхъ языческаго философа Цельса.—Свидѣтельство древнихъ переводовъ сирійскаго и латинскаго.—Поворотъ въ современной критикѣ.

1.

Потокъ устнаго преданія переступилъ границу втораго вѣка; онъ продолжалъ течь, но въ руслѣ, уже нѣсколько суженномъ. Благодаря четыремъ Евангеліямъ, струи его становятся болѣе прозрачными и менѣе расходящимися. Очевидныхъ свидѣтелей нѣтъ болѣе; начинается вторая генерация свидѣтелей, генерация преемниковъ апостольскихъ.

*) См. Труды Киевск. дух. Акад. 1879 г. сентябрь.

Труды Киев. Акад. 1879 г. т. III.

Она восходитъ насъ далѣе промежутка тридцати трехъ лѣтъ, обыкновенно пазначаемыхъ для одной генераціи. Въ исторіи, въ отношеніи къ свидѣтельствамъ, продолжительность одной генераціи превышаетъ выше 60 и даже 70 лѣтъ, такъ что съ 33 до 160 или до 170 года по Р. Хр., мы совершенно вѣрно можемъ насчитывать только двѣ генераціи свидѣтелей.—Человѣкъ, котораго дѣдъ и отецъ достигли бы восьмидесятилѣтняго возраста и вступили бы поздно въ супружество, могли бы теперь въ 1879 году подтвердить совершенную дѣйствительность происшествій, которыхъ дѣдъ былъ очевидцемъ, принимавшимъ въ нихъ живое участіе въ 1739 году, слѣдовательно за 140 лѣтъ. Между дѣдомъ его, и имъ самимъ было бы только одно посредствующее свидѣтельство... Мы могли бы доказать цифрами, что послѣдніе изъ оставшихся въ живыхъ христіане, принявшіе ученіе изъ устъ самихъ Апостоловъ, сходятъ въ могилу только отъ 130 до 140 года по Р. Хр.—Обратимся же къ нимъ и покажемъ, что въ цѣпи преданій есть всѣ звенья и эти звенья суть самага чистаго металла.

Прежде всѣхъ представляется Игнатій, преемникъ Апостола Петра въ Антіохіи, второй епископъ этого города, и вѣроятно непосредственный ученикъ этого Апостола. Онъ принялъ мученическій вѣнецъ въ царствованіе Траяна въ 107 году¹⁾. Повѣствованіе объ его мученичествѣ говоритъ, что, по прибытіи его въ столицу имперіи, что случилось въ послѣдній день общественныхъ празднествъ, онъ выведенъ былъ въ амфитеатръ, и всенародно преданъ былъ на растерзаніе дикимъ звѣрямъ²⁾. Дѣло идетъ, можетъ быть,

¹⁾ Euseb. Hist. eccles. III, 36.

²⁾ Martyrium Ignatii въ изданіи Patres apostolici Дреселя стр. 214.—Кавалеръ де Россел (Inscriptiones christianaе, tom. I, стр. 3 и слѣд.) подтверждаетъ достовѣрность повѣствованія о мученичествѣ Игнатія. Дѣйствительно, по свидѣтельству надписей этотъ знаменитый епископъ скончался въ консульство Суры и Синекіона, а исторія съ своей стороны показываетъ, что Сура и Синекіонъ были вмѣстѣ консулами въ первый разъ въ 107 году.

о великолѣпныхъ празднествахъ, данныхъ Траяномъ по случаю празднованія его побѣдъ въ Дакии; они длились четыре мѣсяца, и насчитываютъ, что въ продолженіе ихъ было убито до одиннадцати тысячъ животныхъ¹⁾. Игнатій готовилъ себя къ мученичеству, во время путешествія по городамъ Азіи, Македоніи и Эпира, когда спѣшилъ отправить посланія изъ Смирны, и особливо изъ Троады къ важнѣйшимъ церквамъ, то къ тѣмъ, которыя онъ оставлялъ за собою въ Ефесѣ, въ Магнезіи, въ Филадельфіи, въ Смирнѣ, то къ римской, гдѣ долженъ былъ окончить свое поприще. Личною своею бесѣдою и увѣщаніями онъ укрѣплялъ представителей сихъ церквей, и особливо предостерегалъ ихъ отъ ересей, внушая держаться апостольскаго преданія²⁾. По его словамъ вѣрующіе должны были подчиняться епископу какъ самому Іисусу Христу³⁾, а служителямъ алтаря, какъ апостоламъ⁴⁾. Епископъ есть блюститель апостольскихъ установленій⁵⁾, служители же алтаря представляютъ соборъ Апостоловъ⁶⁾. Игнатій требовалъ, чтобы христіане и особливо служители алтаря питали уваженіе къ епископу во славу Отца, Сына и Апостоловъ⁷⁾; Апостолы въ глазахъ плѣнненнаго епископа служили видимыми органами св. Духа, Котораго они низводили на вѣрующихъ. Кромѣ того Игнатій еще частнѣе указываетъ на ап. Петра и Павла какъ двухъ главныхъ свидѣтелей, которыхъ должно слушать⁸⁾. Совершенно естественно, чтобы главы церквей были наиболѣе уважаемыми, и имѣли въ рукахъ своихъ власть. Въ одномъ довольно спорномъ мѣстѣ

¹⁾ Фридендеръ, въ упомян. соч. стр. 103, 144.—Правда, этотъ писатель говорить о 106 годѣ, но близость этихъ чиселъ позволяетъ сдѣлать это предположеніе.

²⁾ Посл. къ Ефес. VII, XI; — Ad Magn. XIII; — Ad Trall., XII.

³⁾ Ер. ad Trall. II.

⁴⁾ Ер. ad Smyrn. VIII.

⁵⁾ Посл. Ad Trall. VII.

⁶⁾ Посл. Ad Magn. VI.

⁷⁾ Посл. Ad Trall. XII.

⁸⁾ Посл. къ Римл. IV. Сравни. посл. къ Ефес. XII.—Посл. къ Римл. IV.—Посл. Ad Smyrn. III.

Игнатій повидимому указывает на совершенно справедливое различіе между самою основою проповѣди апостольской, то есть собственно называемымъ Евангеліемъ, жизнію Іисуса Христа во плоти и формою этой проповѣди, именно устнымъ свидѣтельствомъ Апостоловъ. „Евангеліе, говоритъ онъ, подобно плоти Іисуса Христа, Апостолы же подобны собранію пастырей перкви“ ¹⁾). Однакожь здѣсь основа и форма нераздѣльны, Евангеліе и свидѣтели его составляютъ одно цѣлое, и чтобы знать Евангеліе, надобно обратиться къ тѣмъ, которые были достовѣрными его свидѣтелями, то есть, къ Апостоламъ или къ ихъ преемникамъ. Что касается содержанія Евангелія, то у Игнатія оно тоже, какое мы видѣли у Апостоловъ: страданія и воскресеніе Іисуса Христа составляютъ основу вѣры церквей ²⁾). И онъ напоминая историческую основу вѣры христіанской, пишетъ къ Смирнянамъ: „Іисусъ Христосъ дѣйствительно отъ племени Давидова, Сынъ Божій, рожденный отъ Дѣвы, крещенный Іоанномъ, пригвожденный дѣйствительно за насъ плотию при Понтіи Пилатѣ и четверовластникѣ Иродѣ“ ³⁾). Здѣсь уже предугадывается будущій апостольскій символъ вѣры.

Посланіе Варнавы, по мнѣнію большей части новѣйшихъ ученыхъ, написано спустя долгое время по разореніи Іерусалима около 120 г.⁴⁾). Если это посланіе не бросаетъ большаго свѣта на состояніе церквей, то оно отмѣчаетъ

¹⁾ Посл. ad Thilad. V. Справ. 70 Delitsch, De inspiratione scripturae sacrae quae statuerunt Patres Apostolici Apologetae secundi saeculi, Lipsiae, 1872, pag. 63—65.

²⁾ Ep. ad Philad., Adresse et III, VIII, IX.—Ad Eph. XX;—Ad Smyrn. II, V, VII, XII.

³⁾ Ep. Ad Smyrn. I;—Ad Eph. VII, XVIII; Ad Magn. XI;—Ad Trall. IX;—Ad. Rom. VII.

⁴⁾ Таково мнѣніе Hefele, Тишендорфа. Кейма и Фалькмара. Другіе какъ напримѣръ, Дрессель и Курцъ приписываютъ этому посланію большую древность.

въ исторіи преданія важный моментъ, по отношенію къ заимствованіямъ, имъ сдѣланнымъ изъ первыхъ двухъ Евангелій и изъ посланій Апостоловъ Павла и Петра. Читая его, можно удивляться множеству цитатъ и воспоминаній изъ перваго посланія Апостола Петра¹⁾. Не вытекаетъ ли отсюда, что это посланіе, въ которомъ не безъ основанія находятъ мысли и даже любимыя выраженія св. Апостола Павла²⁾, считалось не только подлиннымъ при жизни Варнавы, но еще представляло общепринятое въ это время ученіе?—Не было рѣчи еще о тѣхъ препирательствахъ въ нѣдрѣ церкви, вслѣдствіе которыхъ одни называли Петра, другіе Павла, а иные, можетъ быть, Іоанна. Варнава цитуетъ попеременно, не заподозрѣвая въ какомъ нибудь разногласіи, то Апостола Павла, то Апостола Петра, преимущественно же I-е посланіе Петра. И вотъ одинъ изъ важнѣйшихъ представителей новѣйшей критики цюрихскій профессоръ Кеймъ не колеблется утверждать, что „міръ мыслей, въ которомъ стоитъ это посланіе Варнавы, въ цѣломъ и въ подробностяхъ совершенно совпадаетъ съ Евангеліемъ отъ Іоанна. Наука подъ опасеніемъ отказаться отъ своего призванія должна такимъ образомъ опредѣлить связь между тѣмъ и другимъ писаніями“³⁾).

Молодой Поликарпъ, въ 107 году былъ епископомъ въ Смирнѣ въ то время когда Игнатій, оберегаемый десятию

¹⁾ I Соб. Посл. Ап. Петра IV, 4.—V, 1, упоминаемый въ IV Посл. Варнавы.—Тамъ же I, 2, II, 12.—II, 24, упоминаемые въ главѣ V.

²⁾ Отгodosокъ этого встрѣчается въ Посланіи къ Ефес. II, 10. Къ Титу 11, 14, въ главѣ III.—Въ II Посл. къ Тимофею III, 6.—IV, 3.—Въ I Посланіи къ Кор. IV, 13.—III, 1, 16.—Во II Посл. къ Кор. V, 10, 11.—Въ I Посл. къ Фессалон. V, 7, въ главѣ IV.—Въ I Посл. къ Тим. I, 10.—Въ Посл. къ Ефес. I, 10, въ главѣ V.—Въ Посл. къ Колосс. I, 16 въ главѣ XII.—Въ Посл. къ Римлянамъ IX, 10—12, въ главѣ XIII. Во II Послан. къ Кор. V, 17, въ главѣ XVI.

³⁾ Geschichte Jesu von Nazara, I, pag. 141.

леопардами, проходилъ этотъ городъ¹⁾. Евсевій говоритъ²⁾, что очевидцами и служителями Господними Поликарпу, ученику Апостоловъ, ввѣрено было управление Смирнской церковію³⁾. Достигши преклонныхъ лѣтъ, говоритъ Иринея, онъ не уставалъ рассказывать о сношеніяхъ своихъ съ Іоанномъ и съ другими лицами видѣвшими Господа; онъ приводилъ ихъ слова, и то что онъ слышалъ касательно Іисуса Христа, Его чудесъ и Его ученія. Все это согласно было съ Евангеліями. Когда въ присутствіи его рассказывали извращенныя мнѣнія или событія, то онъ затыкалъ себѣ уши, и обыкновенно восклицалъ: „Боже мой! до какихъ временъ Ты сохранилъ меня, что я вынужденъ переносить подобныя рѣчи“, и избѣгалъ тѣхъ мѣстъ, гдѣ, стоя или сидя, слышалъ подобные разговоры⁴⁾. Однажды, когда онъ встрѣтился съ еретикомъ Маркіономъ, и, когда тотъ сказалъ ему: „признай насъ“, Поликарпъ отвѣчалъ: „я признаю перворожденнаго отъ сатаны“⁵⁾. Никогда, присовокупляетъ Иринея, не училъ онъ ничему другому кромѣ того, чему наученъ былъ Апостолами, что передала церковь (παράδοσις), такъ какъ въ ней одна истина⁶⁾. Извѣстенъ прекрасный отвѣтъ его градоначальнику, на котораго, въ царствованіе Марка Аврелія, возложено было гнать христіанъ: „отрекись, ему сказано было, и поругай имя Христова“.—„Вотъ восемьдесятъ шесть лѣтъ служу я Ему“, возразилъ онъ, „и никогда Онъ не оставлялъ меня; могу ли я поругать царя моего, Того, Который спасъ меня“?—Ему угрожаютъ предавіемъ его на растерзаніе дикимъ звѣрямъ, сожженіемъ на кострѣ, — ничто не колеблетъ его. Всѣ враги имени Христова въ

¹⁾ Вотъ подлинныя слова Евсевія: „собесѣдникъ Апостоловъ Поликарпъ получилъ епископство надъ Смирнской церковію отъ самовидцевъ и служителей Господа“.

Примѣч. перев.

²⁾ Euseb. Hist. eccles., III, 36.—Срavn. Ignatii Epist. ad Rom. V.

³⁾ Тамъ же.

⁴⁾ Тамъ же V, 20.—Срavn. въ изданіи Heinichen, Томъ III, стр. 136.

⁵⁾ Eus. Hist. eccles. IV. 14.

⁶⁾ Adv. Haer. lib. III, с. 3, 4.

Смирнѣ—язычники и іудеи приходятъ въ ярость отъ его непоколебимости, требуютъ чтобы Поликарпа бросили на растерзаніе дикому льву, но, какъ это оказалось невозможнымъ, то толпа настаиваетъ, чтобы его сжечь живымъ. Вскорѣ затѣмъ на площади назначенной для бѣговъ и для общественныхъ увеселеній устроенъ былъ костеръ, и герой—старецъ испускаетъ духъ въ пламени¹⁾ прославляя Отца, Сына и Святаго Духа, и исповѣдуя Іисуса Христа возлюбленнаго и благословляемаго Отцемъ Сына, чрезъ Котораго мы познали Бога²⁾).

Поликарпъ преданъ былъ сожженію въ 167 году; слѣдовательно ему было 24 года въ 107 году, когда Игнатій проходилъ Смирну, спустя 15 или 17 лѣтъ по кончинѣ святаго евангелиста Іоанна. Отвѣтъ его римскому проконсулу свидѣлствуетъ, что онъ принадлежалъ къ христіанскому семейству, и что онъ съ самаго дѣтства питаемъ былъ млеко-мъ вѣры. Нѣтъ сомнѣнія, что онъ, съ раннихъ лѣтъ, приводимъ былъ къ убѣленному сѣдинами Апостолу, жившему тогда въ Ефесѣ. Изъ перваго посланія сего послѣдняго мы знаемъ, съ какимъ особеннымъ участіемъ Іоаннъ относился къ отцамъ, къ юношамъ и даже къ дѣтямъ³⁾). При такихъ обстоятельствахъ нѣтъ ничего удивительнаго, что Поликарпъ, еще въ молодыхъ лѣтахъ, возведенъ былъ на опасную почетную степень епископа. Смирнская церковь чувствовала потребность имѣть во главѣ мужа апостольскаго и пророческаго, какъ свидѣлствуютъ акты о мученичествѣ Поликарпа⁴⁾). И молодой ученикъ Іоанновъ не обманулъ ожиданій вѣрующихъ потому, что язычники и іудеи ефесскіе, накануне мученической его смерти упрескаютъ его за то, что онъ былъ главою нечестія, отцемъ христіанъ,

¹⁾ Euseb. Hist. eccles., IV, 15.

²⁾ Acta martyrii Polycarpi in Patres Apostolici, Дресслера, с. XIV.

³⁾ I Соб. Посл. II, 14.

⁴⁾ Acta, с. XVI.

разрушителемъ боговъ, лицомъ научавшимъ народъ не приносить жертвъ богамъ, и не поклоняться имъ¹⁾. Особенная заботливость, съ которою Смирнская церковь описала послѣднія минуты жизни своего духовнаго пастыря, многочисленные списки этого описанія и обращеніе его среди самыхъ отдаленныхъ церквей какъ напримѣръ Ліонской— все свидѣтельствуешь о великомъ личномъ авторитетѣ Поликарпа въ теченіе шестидесяти—семидесяти лѣтъ II-го вѣка. Впрочемъ и лично онъ не былъ не извѣстенъ западнымъ церквямъ; въ епископство Аникиты (Anicet) онъ совершилъ путешествіе въ Римъ для совѣщанія съ нимъ о празднованіи Пасхи. Въ теченіе епископства Поликарпова восемь епископовъ одинъ за другимъ смѣнялись на епископскомъ престолѣ въ Римѣ. Въ немъ одномъ выступаетъ цѣлый сонмъ свидѣтелей.

Вскорѣ послѣ мученичества Игнатія написанное Поликарпомъ посланіе къ Филиппійцамъ представляетъ намъ также драгоценныя свѣдѣнія объ его вѣрѣ, согласныя съ разсказами Иринея. Онъ сильно возстае, подобно учителю своему Апостолу Іоанну, противъ отрицающихъ пришествіе Іисуса Христа во плоти, не признающихъ свидѣтельства креста, извращающихъ произвольно ученіе Господа, отрицающихъ воскресеніе и судъ. Такъ учащій человекъ есть перворожденный отъ сатаны²⁾. Необходимо, говоритъ онъ, возвратиться къ слову, которое передано намъ съ начала³⁾. Многократно приводитъ онъ слова Іисуса Христа, но въ свободныхъ выраженіяхъ, указывающимъ еще на живучесть устнаго преданія⁴⁾. Онъ предостерегаетъ Филиппійцевъ противъ ложныхъ братій лицемѣрно произносящихъ имя Господа, и приводящихъ въ заблужденіе людей недалководныхъ⁵⁾.

¹⁾ Тамъ же с. XII.

²⁾ Ер. Polycarpi ad Phil. I, VII.

³⁾ Тамъ же, VII.

⁴⁾ Ер. Polycarpi ad Phil. II, VI, VII.

⁵⁾ Тамъ же VI.

Симъ ложнымъ свидѣтелямъ противопоставляетъ онъ Апостоловъ возвѣстившихъ намъ лично Евангеліе (это слово *намъ*, употреблено здѣсь не для стилия). Читателей своихъ онъ отсылаетъ къ ихъ Апостолу, просвѣтителю ихъ церкви, къ блаженному и славному Апостолу Павлу, научившему ихъ слову истины, и написавшему разныя посланія, въ которыхъ вѣра ихъ можетъ находить себѣ пищу ¹⁾. Посему хотя это есть голосъ Поликарпа, но слово, которое мы воспринимаемъ изъ устъ его, есть слово вмѣстѣ Павлово и Іоанново.

Сподвижникъ Поликарпа, такой же какъ и онъ ученикъ св. Апостола Іоанна²⁾, епископъ Іерапольскій Папій, достигъ также глубокой старости, и съ своей стороны продолжилъ живой голосъ первобытнаго преданія до 165 года. По свидѣльству пасхальной хроники—памятника V вѣка, Папій потерпѣлъ мученичество въ Пергамѣ, въ царствованіе Марка Аврелія, почти одновременно съ Поликарпомъ въ Смирнѣ³⁾. Не станемъ удивляться долголѣтію многихъ важныхъ лицъ первобытной церкви, св. Апостола Іоанна, епископа Іерусалимскаго Симеона. Поликарпа, Папія, Поѳина. Исторія современныхъ миссій, представляетъ примѣры такого же долголѣтія то въ знойномъ климатѣ Индіи, то въ ледяныхъ областяхъ Гренландіи. Изъ числа пятидесяти главныхъ миссіонеровъ Восточной Индіи, въ теченіе XVIII столѣтія, шестнадцать провели въ этомъ служеніи болѣе тридцати лѣтъ, одиннадцать болѣе сорока лѣтъ, и пять болѣе пятидесяти лѣтъ. Миссіонеръ Шульце умеръ около ста лѣтъ отъ рода⁴⁾. Точно такъ же въ Гренландіи изъ числа шестидесяти—семидесяти братій, въ XVIII столѣтіи подвизавшихся въ

¹⁾ Ер. Polycarpi ad Phil. III, VI.

²⁾ Irenaei Adv. Haer. V, 33, § 4.

³⁾ Статя о Papias Шрейна (Steitz) въ Real-Encyclopedie Герцoga (Herzog).

⁴⁾ Brawn, History of missions 3 edition I, pag. 176, примѣч. 2.

Гренландіи, шесть были на служеніи болѣе сорока лѣтъ, а одинъ прослужилъ пятьдесятъ два года ¹⁾. Древніе епископы, оставшіеся на мѣстахъ своей родины не могли ли достигать глубокой старости особливо во II-мъ вѣкѣ подъ благотворнымъ правленіемъ Антоніиновъ, доставившихъ человечеству почти невѣроятнo долгій періодъ мирнаго времени?

Выраженіе живой голосъ, примѣненное нами къ Папію, совершенно оправдывается въ отношеніи къ нему, потому что онъ отдаетъ замѣчательное предпочтеніе устному преданію. Во введеніи къ своему толкованію словъ Господнихъ, изъ котораго Евсевій сохранилъ намъ только отрывокъ, онъ говоритъ: въ толкованіяхъ своихъ я не премину сообщить все то, что я положительно узналъ, и твердо запомнилъ изъ устъ старѣйшинъ и за точность чего я ручаюсь.—Въ самомъ дѣлѣ я не изъ тѣхъ многихъ, которые находятъ удовольствіе въ обилии разсказовъ; я болѣе держусь *точности* ученія; тѣмъ, которые сообщаютъ всякія ученія, я предпочитаю тѣхъ, которые передаютъ правила самаго Господа, надежныя для вѣры, и которые сами находились у источника истины. Когда я встрѣчалъ кого нибудь изъ посѣщавшихъ старѣйшинъ, я спрашивалъ о словахъ, которыя они запомнили. Что сказывали Апостолы Андрей или Петръ, или Филиппъ, или Ѳома, или Іаковъ или Іоаннъ, или Матѣей или кто нибудь другой изъ учениковъ Христовыхъ; что говорятъ Аристіонъ и Іоаннъ пресвитеръ—ученики Христовы; я не столько считалъ полезнымъ обращаться къ книгамъ, сколько къ свидѣтельству живаго и здраваго слова ²⁾. Остановимъ ли вниманіе читатель на томъ, что послѣ употребленія прошедшаго времени: что *сказывали* Апостолы Андрей и проч., Папій говоритъ въ настоящемъ: что *говорятъ* Аристіонъ и Іоаннъ пресвитеръ?—Слѣдуетъ допустить, что эти два ученика Христовы были еще въ живыхъ, когда Папій писалъ объясненіе

¹⁾ Тамъ же pag. 247, примѣч. 3.

²⁾ Eus Hist. eccl. III, 39.

словъ Учителя. Имъ было болѣе девяноста лѣтъ въ началѣ II-го вѣка. Итакъ Папій, въ качествѣ современника Поликарпова, скончавшагося на восемьдесятъ шестомъ году своей жизни, могъ быть двадцати—двадцати пяти лѣтъ между 100 и 110 годами, когда еще Аристѣонъ и Іоаннъ пресвитеръ говорили. Посему его толкованіе на Евангеліа восходитъ къ этому времени; мы говоримъ на Евангеліа, потому что приведенный нами сей частъ отрывокъ изъ Евсевія, очевидно доказываетъ, что если Папій нигдѣ не упоминаетъ именно о Евангеліи отъ Іоанна, появившемся послѣднимъ, то онъ, по крайней мѣрѣ зналъ о немъ. Современный намъ германскій ученый г. Штейцъ дѣлаетъ остроумное замѣчаніе относительно перечисленія апостольскихъ лицъ, встрѣчаемыхъ нами въ указанномъ отрывкѣ. Вотъ эти лица и порядокъ, въ которомъ Папій приводитъ ихъ: Андрей, Петръ, Филиппъ, Ѳома, Іаковъ, Іоаннъ, Матѳей и проч.—Между тѣмъ первые четыре: Андрей, Петръ, Филиппъ и Ѳома суть именно тѣ, которые являются въ Евангеліи отъ Іоанна, о Филиппѣ же и Ѳомѣ—говорится только въ этомъ Евангеліи. Порядокъ, въ которомъ сии разныя лица исчислены, соответствуетъ точь въ точь порядку, въ которомъ они попеременно являются въ четвертомъ Евангеліи. На послѣднемъ мѣстѣ у Папія стоятъ Апостолы совсѣмъ не упоминаемые у св. Іоанна, именно Матѳей и другіе; и не слѣдуетъ ли предположить, что между всѣми этими другими Папій называетъ именно Матѳея, потому что кромѣ Іоанна уже упомянутого онъ былъ одинъ изъ числа апостоловъ, написавшій Евангеліе?¹⁾ Эти очевидныя многократныя совпаденія не объясняютъ ли такимъ образомъ старинное преданіе, которое дѣлаетъ Папія участвующимъ въ качествѣ писца въ изданіи Евангеліа отъ Іоанна²⁾? Въ предисловіи къ одному евангельскому манускрипту находятся слѣдующія слова:

¹⁾ Godet, Temoignages eccles. sur le quatrième évangile pag. 8—10.

²⁾ Тамъ же.

„Евангеліе отъ Іоанна составлено и дано Іоанномъ своей церкви еще при жизни его, какъ о томъ повѣствуетъ Папій называемый Іерапольскимъ, любимый ученикъ Іоанна, въ концѣ пятой книги своихъ истолковательныхъ книгъ. Онъ написалъ Евангеліе точно такъ, какъ Іоаннъ ему диктовалъ его“¹⁾).

Такимъ образомъ Поликарпъ Смирскій и Папій Іерапольскій—оба ученики Іоанна, оба епископы важнѣйшихъ церквей, церквей называемыхъ апостольскими и оба мученики обнимаютъ своимъ свидѣтельствомъ промежутокъ времени между 96 и 163 годами. Это главные свидѣтели этой эпохи по близости къ источникамъ, по официальному ли своему положенію, или по продолжительности своего епископства, но не единственные; къ нимъ надобно присоединить Квадрата или Кодрата, писавшаго въ царствованіе Адріана апологію христіанства. Историкъ Евсевій ставитъ его на ряду съ предшественниками Игнатіемъ и Поликарпомъ въ числѣ извѣстныхъ учениковъ, непосредственныхъ преемниковъ Апостоловъ. Кодратъ также какъ дочери Евангелиста Филиппа, имѣлъ даръ пророчества; онъ—то упоминаетъ о существованіи еще въ его время нѣсколькихъ лицъ исцѣленныхъ или воскрешенныхъ Іисусомъ Христомъ²⁾). Слѣдовательно его свидѣтельство есть древнѣйшее, и должно относиться по крайней мѣрѣ къ первымъ годамъ этого столѣтія. Къ нему можно присоединить еще Аристида³⁾), но этотъ послѣдній принадлежалъ уже позднѣйшему времени и писалъ между 117 и 138 годами.

Послѣднія данныя переносятъ насъ въ ту эпоху, когда началъ процвѣтать человекъ, принадлежавшій къ разряду двухъ послѣднихъ апологетовъ христіанства—знаменитый

¹⁾ Tischendorf, Wan wurden unsere Evangelien verfasst? 4 Uzg. Leipzig. 1866, стр. 118—119.

²⁾ Euseb. Hist. eccles. III, 37;—IV, 3.

³⁾ Тамъ же IV, 3.

Іустинъ мученикъ. Родившись въ первые годы этого столѣтія¹⁾, когда послѣдніе Апостолы сошли въ могилу, необрѣзанный и язычникъ по происхожденію²⁾, онъ блуждалъ туда и сюда ища истины по всѣмъ современнымъ философскимъ школамъ, но безъ успѣха; стоики, перипатетики, пифагорейцы, платоники—всѣ, одни за другими приводили его въ уныніе и не удовлетворяли его, пока наконецъ онъ встрѣтилъ на пути своемъ одного старца—христіанина, который указалъ ему на книги Ветхаго Завѣта. Новыя его занятія склонили его принять христіанство—это было между 130 и 140 годами. Достойно замѣчанія, что онъ по пасхальной хроникѣ былъ родомъ изъ Flavia Neapolis, города Сиріи Палестинской, въ которомъ онъ долго проживалъ; такимъ образомъ онъ находился на самыхъ священныхъ мѣстахъ, и имѣлъ возможность близко повѣрить данныя преданія. Іустинъ, ставши христіаниномъ, бросился въ самый разгаръ борьбы; съ одной стороны въ двухъ апологіяхъ онъ мужественно защищаетъ предъ императорами дѣло гонимыхъ; съ другой стороны отстаиваетъ принятое ученіе, въ частности же божественность Іисуса Христа противъ Маркіонитовъ и противъ всѣхъ ересей³⁾. Однажды онъ состязался съ іудеемъ Трифономъ въ Ефесѣ о прообразовательномъ значеніи Ветхаго Завѣта и объ исполненіи пророчествъ на лицѣ Іисуса Христа; потомъ въ Римѣ приходитъ онъ въ столкновение съ циникомъ Кресцентомъ, и по доносамъ сего послѣдняго, въ 166 году, получаетъ мученическій вѣнецъ⁴⁾.

Свидѣтельство Іустина есть свидѣтельство человека, снѣдаемаго ревностію къ дому Божію; по своимъ занятіямъ Іустинъ становится миссіонеромъ у іудеевъ и язычниковъ, и путешествующимъ евангелистомъ, стремящимся утвердить

1) Тамъ же II, 12.

2) Iustini Martyris Opera, edit. Otto. Ienae, 1847, Dialog. cum Tryphone, с. 28, 31.

3) Euseb. Hist. eccles., V. 28.—IV, 11, 18.

4) Тамъ же, IV, 16, 17.

братію въ вѣрѣ Христовой. Его встрѣчаютъ въ Палестинѣ, въ Малой Азіи, въ Италіи, и два раза въ Римѣ. Судя по славѣ его имени, по важности отголоску его свидѣтельства въ теченіе II-го вѣка, Іустинъ мученикъ былъ однимъ изъ великихъ свѣтилъ церкви своего времени, однимъ изъ самыхъ достойныхъ вѣры свидѣтелей.

Въ разныхъ своихъ сочиненіяхъ Іустинъ многократно ссылается на евангельскія повѣствованія или записи Апостоловъ¹⁾. Онъ такъ дѣлаетъ въ своемъ разговорѣ съ евреемъ Трифономъ въ Ефесѣ—этомъ градѣ, прославленномъ трудами Апостоловъ св. Павла и св. Іоанна. Подумайте! Какое довѣріе должны были внушить ему эти записи!—Какой апостольскій авторитетъ должны были получить даже Евангелія отъ Марка и Луки, не написанныя непосредственно руками Апостоловъ!—Насколько содержание сихъ писаній должно было согласоваться съ основою устнаго преданія... чтобы Іустинъ имѣлъ мужество, скажу даже простодушіе, ссылаться на нихъ въ спорѣ съ іудеемъ раціоналистомъ, для котораго рожденіе Бога, сверхъестественное рожденіе человѣка, надежды христіанъ на распятаго человѣка, и сверхъ того упованіе ихъ получить еще благодать отъ Христа, были столько же соблазномъ сколько и безуміемъ!²⁾. И не менѣ замѣчательно еще то, что Іустинъ эти записи никогда не называетъ иначе какъ апостольскими. Встрѣчаются повѣствованія, какъ напримѣръ, сказаніе о кровавомъ потѣ, которымъ покрывался Іисусъ въ Геосиманскомъ саду и о которомъ повѣствуетъ только св. Евангелистъ Лука; Іустинъ, приводя это сказаніе, считалъ его такъ же апостольскимъ какъ и другія сказанія, заимствованныя имъ у Маттея и Іоанна, собственно называемыхъ Апостолами. Впрочемъ писатель этотъ колъ скоро касается Ветхаго Завѣта, то онъ почти всегда называетъ по имени

¹⁾ Апол. I, с. 66.—Dial. с. 100, 101, 102, 104, 106, 107.

²⁾ Dial. с. 11, 39, 48, 68.

приводимыхъ имъ писателей; но никогда не упоминаетъ именъ ни одного изъ четырехъ Евангелистовъ, ссылаясь на слова ихъ Евангелій. Подобно ему большая часть отцевъ церкви гораздо чаще опускаетъ имена составителей Евангелій нежели имена писателей книгъ Ветхаго Завета. Причина этого самая простая. Евангелія составляли одну книгу, изображающую одинъ только образъ І. Христа; обыкновенно говорили *Евангеліе*, а не Евангелія, а когда хотѣли указать на одно изъ нихъ, то употребляли общепринятое выраженіе: Евангеліе *отъ* Маттея, *отъ* Марка и т. д. ¹⁾).

Творенія Іустина даютъ очень чувствовать опасность доказательствъ заимствуемыхъ отъ умачиванія. Возьмите послѣднее, дошедшее къ намъ изъ его твореній—вторую его апологію, написанную въ 161 году; вы не найдете въ ней ни одной ссылки на Евангелія. Предположимъ, что, кромѣ этого, всѣ творенія Іустиновы были бы потеряны, не сдѣлали ли критики тотчасъ заключенія, не раструбили ли во всеуслышаніе, что Іустинъ знаменитый писатель II вѣка никогда не зналъ Евангелій, что слѣдовательно они появились позже 150 года,—или если прежде существовали, то не пользовались большимъ довѣріемъ?—Тутъ, что слово, то—невѣрность, потому что сохранились два другія его произведенія, его первая апологія, восходящая къ 147 году ²⁾ и его разговоръ съ Трифономъ, которые изобилуютъ цитатами изъ четырехъ Евангелій: Марка онъ цитуетъ въ первомъ три раза, во второмъ десять разъ,—Іоанна шесть разъ въ первомъ, восемнадцать разъ во второмъ,—не говоря уже о Маттеѣ и о Лукѣ. По тому способу какъ Іустинъ цитуетъ, чувствуетъ, что онъ близокъ къ первому источнику устнаго преданія ³⁾).

¹⁾ Dial., с. 103—70. Delitzsch въ упом. соч. стр. 77, 78.

²⁾ Volkmar, Theol. Jahrbucher, 1855.

³⁾ Keim соглашается съ этимъ въ упомян. соч. стр. 138, 139.—Riggenbach доказалъ это въ частности въ соч. своемъ *Zeugnisse für das Evangelium Iohannis neu untersucht*, Basel, 1866.

До сихъ поръ мы приводили свидѣтельства Восточной церкви, но Западъ имѣлъ также свидѣтелей достойныхъ вѣры—прямыхъ наслѣдниковъ апостольскаго преданія. Таковъ прежде другихъ много чтимый епископъ Ліонскій Поєинъ, замученный въ 171 году. Извѣстно что слово мартиръ (мученикъ) по гречески значить свидѣтель, а большая часть нашихъ свидѣтелей суть мученики, они то и внушаютъ довѣріе, какъ Паскаль говоритъ: „Я охотно вѣрю тѣмъ исторіямъ, свидѣтели которыхъ были замучены“¹⁾. Такъ какъ Поєинъ, въ годъ кончины своей былъ девяноста лѣтъ, то онъ долженъ былъ родиться около 80 года нашей эры. Ліонская церковь была въ непрерывныхъ сношеніяхъ съ церквями Малой Азіи, и мы можемъ быть увѣрены, что ученіе и повѣствованія Іоанновы, и особливо его Евангеліе рано пустило корни на почвѣ Галліи²⁾.

Уже при жизни Поликарпа, Папія, Іустина мученика, Поєина, появилось на Западѣ, а вѣроятно также и въ Римѣ сочиненіе подъ названіемъ *Пастыръ*, приписываемое пресвитеру церкви, по имени Эрмѣ (Hermas). Это сочиненіе пользовалось извѣстностію въ церкви во II вѣкѣ, и иногда отводили ему мѣсто въ собраніи священныхъ книгъ. При общественныхъ богослуженіяхъ книга *Пастыръ* Ермы была всенародно читаема, однакожъ скоро перестали относиться къ ней съ такимъ уваженіемъ³⁾. Западная церковь не раздѣляла его, не смотря на то, что книга была переведена на латинскій языкъ; въ концѣ же этого столѣтія Тертулліанъ отзывается о ней въ загадочныхъ выраженіяхъ⁴⁾. Сочинитель ея, какъ кажется, жилъ въ Римѣ при первосвященникѣ, братѣ его (между 142 и 157 г.)⁵⁾ Піѣ, епископѣ римскопѣ, вовемя близкое къ го-

¹⁾ Pensées, вторая часть, статьи XVII, § 56.

²⁾ Euseb. Hist. eccles. V, 1, 5.

³⁾ Тамъ же, III, 3.

⁴⁾ De pudic. c. 2, 10.

⁵⁾ Patres Apostolici edit. Dressel, pag. XL.

ненію на христіанъ, немного спустя послѣ смерти послѣднихъ христіанъ, обращенныхъ проповѣдію самихъ Апостоловъ. Скупой до крайности на какія бы то нибыло историческія указанія (Исуса онъ даже не называетъ собственнымъ именемъ), Ерма важенъ для насъ однакожъ въ томъ отношеніи, что онъ весьма часто и почти исключительно упоминаетъ о миссіонерскомъ служеніи Апостоловъ¹⁾ и объ отвѣтственности, возлагаемой на пастырей церквей. Имя Сына Божія было уже вездѣ проповѣдано; наступилъ періодъ благоустройства и усвоенія Его ученія. *Пастырь* Ермы прежде всего говоритъ о покаяніи и случайно о крещеніи²⁾; двѣ эти черты переносятъ насъ въ средину II-го вѣка, когда возникло препирательство, извѣстное подъ именемъ *монтанизма*. То также извѣстно, что вся его терминологія напоминаетъ Евангеліе отъ Іоанна³⁾. Исуса Христа называетъ онъ дверью⁴⁾; не разъ говоритъ о виноградной лозѣ, о пастырѣ, объ овцахъ; онъ дѣлаетъ различіе между видѣніемъ царства Божія и вступленіемъ въ это царство—какъ самъ Исусъ Христосъ то же дѣлаетъ въ бесѣдѣ своей съ Никодимомъ, рассказанной въ 3 главѣ Евангелія отъ Іоанна⁵⁾. Съ другой стороны Ерма заимствуетъ изъ синоптическихъ Евангелій столь извѣстныя сравненія о камнѣ⁶⁾, о дѣвахъ⁷⁾, о змѣяхъ и проч. Сфера, въ которой вращается этотъ своеобразный писатель, вся наполнена воспоминаніями изъ Евангелій.

Къ этой же самой эпохѣ можно отнести одно изъ красивѣйшихъ произведеній христіанской древности—Посланіе къ Диогнету, несправедливо приписываемое Іустину му-

¹⁾ Vis, III. с. 5.—Sim. VIII с. 3.—IX, 15, 16, 17.

²⁾ Sim. IX, с. 16.

³⁾ Кеймъ, въ упомянут. соч. стр. 143.

⁴⁾ Sim. IX, с. 12.

⁵⁾ Sim. IX с. 15.

⁶⁾ Sim. IX с. 12, 13.

⁷⁾ Sim. IX, с. 10, 11, 15.

Труды Киев. Акад. 1879 г. т. III.

ченику¹⁾). Въ посланіи этомъ дышетъ тотъ же духъ кроткаго, возвышеннаго, искренняго благочестія какъ и въ *Пастырѣ* Ермы, и такъ же Иисусъ Христосъ не названъ по имени своему какъ и въ *Пастырѣ*; онъ есть истина, святое слово, возлюбленное чадо, едиnorodный Сынъ²⁾; въ немъ не упоминается даже объ Апостолахъ³⁾). Но чувствуется жизнь въ общеніи съ Учителемъ, со святыми Апостолами Павломъ и Іоанномъ, съ понятіемъ благодати Бога, которой мы должны быть подражателями, съ любовью, которою мы прежде были возлюблены и которая должна привести насъ къ любви къ правдѣ Иисуса Христа, которая покрываетъ наши неправды, и съ множествомъ выраженій и понятій, заимствованныхъ изъ Евангелій или изъ Посланій.

Большая часть апостольскихъ мужей, приведенныхъ нами въ качествѣ свидѣтелей апостольскаго преданія, какъ то: Игнатій, Поликарпъ, Іустинъ, Поѣинъ, стяжали себѣ славу своею славною кончиною. Въ числѣ свидѣтелей II вѣка это суть избранные образцы. Какое обиліе свѣдѣній получили бы мы, если бы писатели христіанскіе оставили намъ во всей подробности рѣчи и свидѣтельства безчисленныхъ учениковъ апостоловъ ими самими обращенныхъ и наученныхъ, и именъ которыхъ исторія не сохранила! Іустинъ мученикъ въ первой своей апологіи говорить о многихъ старцахъ обоего пола шестидесяти—семидесяти лѣтъ, съ дѣтства своего наставленныхъ въ ученіи Христовомъ, всегда сохранявшихъ чистоту нравовъ, и готовъ указать

¹⁾ Этотъ вопросъ разсѣдовать во введеніи изданія d'Otto, Lipsiae 1852. Сравни въ Real-Encyclopedie Herzogs статью Diognet, de Semisch.

²⁾ Ер. ad Diogn. VII, VIII, IX.

³⁾ Двѣ послѣднія главы о важности Евангелій и объ апостольскомъ преданіи содержатъ въ себѣ любопытнѣйшія мѣста, но излишніе положительные доводы и рѣзкое отицаніе слога и идей, не позволяютъ считать ихъ подлинными. Одно бѣглое чтеніе его убѣдить въ томъ всякаго безпристрастнаго читателя.

на нихъ во всѣхъ сословіяхъ¹⁾). Это были христіане, исповѣдывавшіе вѣру Христову съ 80 или 90 года, потому что первая его апологія относится къ 147 году. По свидѣтельству Иринея, въ началѣ II вѣка, въ Римѣ, кромѣ епископа его Климента, было много христіанъ принявшихъ ученіе отъ Апостоловъ²⁾. Въ свою очередь Климентъ Александрійскій упоминаетъ между своими наставниками достопамятныхъ и образованныхъ христіанъ родомъ изъ Греціи, Великой Греціи (южной Италіи), изъ Келесиріи, изъ Египта, изъ Ассиріи и Палестины. Изъ числа ихъ нѣкоторые были наставлены въ истинномъ преданіи святыми Апостолами Петромъ, Іаковомъ, Іоанномъ и Павломъ, какъ дитя бываетъ наставлено своимъ отцомъ³⁾. Евсевій дѣлаетъ замѣчаніе, что въ этомъ мѣстѣ Климентъ свидѣтельствуетъ о своемъ почти непосредственномъ сношеніи съ Апостолами.

Видимо, что въ продолженіе первыхъ семидесяти лѣтъ II вѣка апостольское преданіе усвоилось преимущественно еще въ формѣ устнаго преданія. Последняя придавала ему больше прелести, привлекательности, разнообразія. Писанное преданіе потребовало бы множества манускриптовъ, а христіане въ рядахъ своихъ считали много незнатныхъ, бѣдныхъ и простыхъ людей, не умѣвшихъ читать и не могшихъ пріобрѣсти полныхъ рукописей. Евангелія при богослуженіи читались громкимъ голосомъ, и содержаніе ихъ для большей части слушателей сливалось съ устнымъ преданіемъ. Последнее, давши текстъ для четырехъ Евангелій, въ свою очередь само питалось содержаніемъ ихъ страницъ. Но признанное превосходство живой проповѣди надъ проповѣдію написанною давало предпочтеніе устному преданію со стороны вѣрующихъ. Рѣдко говорили

¹⁾ Apolog. I, 15.

²⁾ Adv. Haer. III, 3. § 3.

³⁾ Clem. Alex., Strom. I, с. 1. Сравни. Euseb. Hist. eccles. V, II.

„написано“, но скорѣе: „Апостолы сказали или учили“, — или: „самъ І. Христосъ сказалъ“ подобно тому какъ и нынѣшніе проповѣдники еще повторяютъ, когда произносятъ свои оживленные рѣчи.

Сверхъ сего, устное преданіе въ II вѣкѣ имѣло чрезвычайную выгоду въ томъ отношеніи, что оно заграждало уста безчисленнымъ гностикамъ. Ересь ожидала смерти Апостоловъ, говоритъ Евсевій, дабы смѣлѣе поднять голову. Послѣдователи Василида, Маркіона, Валентина спѣшили прикрыть мечтанія свои христіанскою одеждою; ихъ нельзя было опровергнуть или переспорить свидѣтельствами изъ священныхъ Евангелій, потому что они извращали ихъ смыслъ. Кто могъ лучше указать истинный смыслъ выраженный Апостолами въ своихъ писаніяхъ и въ словахъ Учителя, какъ не непосредственные ихъ ученики, преемники ихъ мыслей, ихъ сообщники и ихъ сподвижники ¹⁾? Они одни могли спасти дѣвство церкви и чистоту ея ученія, свидѣтельствуя о содержаніи апостольскаго преданія.

II.

Критическая школа готова вѣрить, что предпочтеніе даваемое отцами церкви II вѣка устному преданію показываетъ невеликій авторитетъ, которымъ въ ихъ время пользовались четыре Евангелія, и особливо Евангеліе отъ Іоанна. Есть ли необходимость по этому поводу исчислять причины явной антипатіи этой школы къ этому Евангелію? Можетъ быть, намъ еще представится случай бесѣдовать объ отношеніяхъ этого Евангелія къ тремъ первымъ. Достаточно будетъ теперь припомнить неотразимую ясность, съ которою въ немъ возвѣщается божественность І. Христа. Когда хотятъ низвести І. Христа на степень простаго человека, сына Іосифа и Маріи, іудейскаго учителя, виновника

¹⁾ Euseb. Hist. eccl. IV, 22.—Сравни. Grau въ упом. соч. I, pag. 169.

высокой нравственности,—когда хотять лишить Его трона единороднаго Сына Божія, Спасителя міра, вѣчнаго Слова Божія, ясно, что Евангеліе Іоанна является преимущественно изобличающимъ такое стремленіе. Надобно, не смотря ни на что, доказать, что оно не есть писаніе Апостола, его же Іисусъ любяше, а чтобы это доказать, надобно постараться выставить, что это Евангеліе не было извѣстно церквамъ до второй половины II вѣка. Но какъ первыя три Евангелія содержатъ также приводящія въ затрудненіе сказанія, какъ въ нихъ повѣствуется о сверхъестественномъ рожденіи І. Христа, объ Его совершенной святости, о чудесахъ Его, объ Его назначеніи быть Врачемъ человечества, Судіею міра, Господиномъ субботы, то равно необходимо возможно болѣе уронить ихъ, отдвинуть ихъ какъ можно далѣе отъ времени самыхъ событій. Такимъ образомъ берутся доказывать, что они вышли не изъ подъ пера Апостоловъ, и усвояютъ себѣ право оспаривать ихъ свидѣтельства. Напротивъ для вѣрующихъ весь интересъ состоитъ въ томъ, чтобы упрочить древность Евангелій и слѣдовать методу, усвоенному ею; необходимо открыть слѣды нашихъ евангелій у писателей I и II вѣка. Конечно, это не наша вина, что мы имѣемъ подъ рукою не большое число документовъ; отъ всей души желаемъ мы открытія новыхъ рукописей, такъ какъ мы увѣрены, что онѣ приведутъ въ замѣшательство нашихъ противниковъ.

До сихъ поръ мы скорѣе предполагали, чѣмъ прочно доказывали подлинность и глубокую древность нашихъ Евангелій; но достигши до половины II вѣка—того поздняго времени, когда четвертое Евангеліе написано, если вѣрить критикъ, и когда по ея словамъ, христіанство подверглось глубокимъ измѣненіямъ, мы можемъ и мы должны лучше окинуть взглядомъ пройденное пространство и рѣшить подлежащіе вопросы. Мы задаемъ себѣ вопросъ—справедливо ли, что первыя три Евангелія встрѣили недовѣріе въ Церкви

П вѣка, и что четвертое Евангеліе оставалось для нея неизвѣстнымъ по крайней мѣрѣ до 150 года?

Въ наше время ученая Германія дала первокласнаго критика, человѣка глубоко проникшаго въ эти предметы, истиннаго знатока дѣла, въ лицѣ знаменитаго Тишендорфа. Жизнь его буквально посвящена была изученію текста Новаго Завѣта; онъ отыскивалъ, вырывалъ рукописи за рукописью и наконецъ открылъ манускриптъ въ Синайской обители—это сокровище, которое онъ ставитъ выше извѣстнаго алмаза Ко-хи-норъ; онъ напечаталъ нѣсколько одно за другимъ изданій Новаго Завѣта на греческомъ языкѣ; его труды простерлись на всѣ тѣ отрасли древней литературы, которыя проливаютъ какой нибудь свѣтъ на исторію священнаго текста, и его изданія при такомъ изученіи удивляютъ столько же количествомъ и разнообразіемъ, сколько изяществомъ и выправкою. Человѣкомъ имѣющимъ право на то, чтобы его слушали въ вопросахъ объ этомъ предметѣ, точно можетъ считаться Константинъ Тишендорфъ. Было бы неразумно и опрометчиво порицать произведеніе, трудъ достойный уваженія, который этотъ почтенный ученый посвятилъ изслѣдованію времени происхожденія нашихъ Евангелій ¹⁾; но этотъ предметъ еще такъ новъ для большинства, что мы не колеблемся предложить нѣсколько крупицъ, упавшихъ отъ обильной трапезы этого опытнаго изслѣдователя. Любопытнымъ мы рекомендуемъ ознакомиться съ брошюрою Тишендорфа, переведенною на многіе языки, подъ заглавіемъ: *когда написаны были наши Евангелія?* ²⁾).

Утомительно было бы перечислять цитаты изъ нашихъ Евангелій, встрѣчающіяся у отцевъ церкви I и II вѣковъ.

¹⁾ Wann würden unsere Evangelien verfasst?.

²⁾ Брошюра эта въ русскомъ переводѣ была помѣщена въ Трудахъ Киевской д. Академіи и „Правосл. Обзорѣніи“.

Выше уже мы указали на драгоценныя свидѣтельства, которыя они намъ представляютъ. Свидѣтельства эти можно обезсилить только отрицаніемъ подлинности писаній этихъ отцевъ и отнесеніемъ ихъ для этой цѣли къ позднѣйшему времени. Такое насиліе, такіе приемы смѣлой критики пыталась было примѣнить къ отеческимъ писаніямъ такъ называемая Тюбингенская школа, но попытка ея не удалась. То уже дознано, что Игнатій, Поликарпъ, Варнава, Іустинъ мученикъ, Пастырь Эрмы, христіанскіе писатели жившіе прежде 150 года, приводятъ мѣста изъ нашихъ четырехъ каноническихъ Евангелій, и изъ Евангелія Іоанна такъ же точно какъ и изъ трехъ синоптическихъ¹⁾. Открытая и обнародованная Тищенкою Синайская рукопись вмѣстѣ съ книгами Новаго Завѣта, заключаетъ греческій текстъ посланія Варнавы, между прочимъ подлинный текстъ начала этого посланія, которое извѣстно было только въ плохомъ латинскомъ переводѣ. Въ этомъ отрывкѣ находится слѣдующая цитата изъ Евангелія отъ Маттея: „есть много занятыхъ, но мало избранныхъ“²⁾, которую авторъ сопровождаетъ оговоркою „какъ написано“. До тѣхъ поръ пока

¹⁾ Kirchhofer, Quellensammlung, IV—VIII, XXXV и XXXVI. Мы надѣемся, что изслѣдованія кавалера Росси въ римскихъ батакомбахъ будутъ способствовать къ подтвержденію глубокой древности если не Евангелія отъ Іоанна, то по крайней мѣрѣ христіанскихъ преданій, собранныхъ въ этомъ Евангеліи. По словамъ Дебассэна (Desbassayns), между символическими знаками и рисунками, восходящими къ I-му столѣтію, или къ первой половинѣ II-го, Росси отерываетъ Агнца—то украшеннаго доблестями Пастыря, то представляющаго овцу, вѣренную руководству добраго Пастыря (Іоанн. X, 1—16), виноградную лозу съ безчисленными вѣтвями и обремененную гроздами (Іоанн. XV, 1—16), жену Самарянскую (Іоанн. IV, 1—42), евхаристію, служащую божественною пищею путнику въ настоящей жизни (Іоанн. VI, 32, 62) Desbassayns de Richemont въ упомянут. соч., pag. 320, 330—333, 355, 357. —Однакожь эти пункты требуютъ подтвержденія; въ подобныхъ предметахъ не легко установить время и христіанскій характеръ рисунковъ не всегда легко опредѣлить.

²⁾ Ев. отъ Маттея, XX, 16.

имѣли только латинскій переводъ, слова эти въ глазахъ критиковъ считались замѣткою на поляхъ страницы случайно попавшею въ текстъ, а теперь дѣйствительно нашли ихъ примѣненными къ Новому Завѣту—въ литературѣ апостольской эпохи¹⁾. Но вотъ въ первобытномъ греческомъ текстѣ встрѣчаются эти слова буквально; произвольная догадка критиковъ, бывшая въ ходу до этихъ поръ, обращается въ ничто; необходимо допустить, что таинственная оговорка „какъ написано“ усвоитъ Евангелію отъ Матѳея авторитетъ, равный авторитету Ветхаго Завѣта, и притомъ въ столь раннюю пору.

Оставимъ въ сторонѣ сочиненія отцевъ церкви; поищемъ доказательствъ въ апокрифахъ, у еретиковъ, и даже въ сочиненіяхъ враговъ христіанства языческихъ философовъ. Мы говоримъ сперва въ *апокрифахъ*; ясно, что мы разумѣемъ старѣйшіе, древность которыхъ всеми признава. Апокрифы, о которыхъ мы прежде говорили—Евангеліе евреевъ, Евангеліе египтянъ, Евангеліе Апостола Петра, какъ мы видѣли „суть не что иное какъ компіляціи, болѣе или менѣе искусственно составленныя поддѣлки синоптическихъ Евангелій, особливо Евангелія отъ Матѳея. Мы ничего еще не сказали объ одномъ очень древнемъ документѣ, упоминаемомъ Іустиномъ мученикомъ, Тертулліаномъ и Евсевіемъ²⁾, вообще извѣстномъ подъ названіемъ *Актовъ Пилата*. Тишendorfъ отыскалъ подлинное его названіе: *Записи о Господѣ нашемъ І. Христѣ, составленныя при Понтіѣ Пилатѣ*. Оно считается официальнымъ донесеніемъ высшей власти, составленнымъ правителемъ Іудей, о казни Іисуса Христа. Изучая внимательно это сочиненіе, открываютъ въ немъ искусно намѣченныя сближенія между описаніемъ суда надъ І. Христомъ и нѣкоторыми подробностями изъ повѣствованія св. Апостола Іоанна. Во всемъ же томъ, что касается распятія и воскресенія

¹⁾ Tischendorf, A quelle dato и проч. pag. 28, 29.

²⁾ Reuss. въ упомян. соч. §§ 258, 259.

Господня, повѣствованіе сближается съ текстомъ трехъ первыхъ Евангелій. Неизвѣстный авторъ этого апокрифическаго сочиненія должно быть имѣлъ предъ глазами наши четыре Евангелія, и такъ какъ оно относится къ первымъ годамъ II-го вѣка, то за нимъ признаютъ важность свидѣтельства, которое оно представляетъ безъ предвзятой цѣли¹⁾.

Апокрифы служили для цѣлей еретиковъ, какъ мы выше видѣли; сектаторы аллегорическими своими толкованіями безъ труда и не стѣсняясь заимствовали изъ текста Евангелій доказательства своего ученія. Нѣтъ надобности говорить здѣсь о всѣхъ гностикахъ II-го вѣка; достаточно будетъ упомянуть о руководителяхъ Василидѣ, Валентинѣ и Маркіонѣ.

Василидъ, одинъ изъ древнѣйшихъ, жилъ между 65 и 135 годами. Современникъ въ молодости своей св. Апостолу Іоанну и послѣднимъ Апостоламъ, жившимъ въ это время, онъ написалъ въ царствованіе Адріана двадцать четыре книги толкованій на Евангелія²⁾. Судя по нѣкоторымъ отрывкамъ, сохраннымъ епископомъ III-го вѣка Иполитомъ, онъ конечно зналъ Евангелія отъ Луки и отъ Іоанна, т. е. именно тѣ самыя два, относительно которыхъ критика наиболѣе сомнѣвается³⁾. Такъ, послѣ словъ: „я слышалъ

¹⁾ Lipsius, въ своихъ *Pilatus-Acten kritisch untersucht*, Kiele. 1870 г. оспариваетъ древность его, и написаніе его относитъ ко времени между 326—376 годами. По его мнѣнію позднѣйшіе писатели воспользовались первоначальною темою актовъ, и составили текстъ *Никодимова* Евангелія. Lipsius утверждаетъ, что цѣль этого подложнаго сочиненія была та, чтобы уничтожить настоящіе Акты Пилатовы. Если бы это предположеніе оправдалось, то оно придало бы высокую цѣну апокрифическимъ Актамъ. Дѣйствительно должно предположить, что сіи послѣдніе не слишкомъ удаляются отъ подлинныхъ Актовъ (вся апокрифическая литература основана на принципѣ подражанія часто рабскаго); иначе они вызвали бы протесты, и не достигли бы цѣли. Они были бы близки по эпохѣ, но не по редакціи съ подлинными Актами, что заставляетъ отнести ихъ ко времени указываемому Тишендорфомъ.

²⁾ Hofstede de Groot, въ упомянутомъ соч. pag. 8.

³⁾ Тамъ же pag. 9—10.

невыразимыя слова, которыя нелѣтъ есть человѣку глаголати“, онъ прибавляетъ: „какъ сказано: Духъ Святыи найдетъ на тя, и сила Всевышняго осѣнитъ тебя“— тутъ видѣнъ текстъ Евангелія Луки¹⁾. Въ другомъ мѣстѣ онъ говоритъ: „писано есть въ Евангеліи: бѣ свѣтъ истинный, иже просвѣщаетъ всякаго человѣка грядущаго въ міръ“, а далѣе: „Господь говоритъ: не упріиде часъ мой“²⁾. Такъ точно какъ въ посланіи Варнавы у него цитуются священныя книги съ общепринятыми формулами, „писано бо есть,—сказано бо есть и проч.“. Не лишне обратить вниманіе на то что эти мѣста у Василида касаются столь щекотливаго вопроса о сверхъестественномъ рожденіи Спасителя.

Другой извѣстный въ это время еретики Валентинъ, умершій около 160 года, кромѣ каноническихъ Евангелій, имѣлъ въ рукахъ своихъ еще одинъ документъ, который онъ называлъ *Евангеліемъ истины*; но все заставляетъ насъ думать, что содержаніе этой книги, въ существѣ, не отличалось отъ нашихъ Евангелій³⁾. Между тѣмъ обличитель ересей Иринеи нѣсколько позже говорилъ: „достоверность нашихъ Евангелій такова, что самые еретики заимствуютъ изъ нихъ свидѣтельства; каждый изъ нихъ, принимая ихъ за основаніе своихъ умствованій, старается употребить ихъ для подкрѣпленія своего ученія... Ученики Валентина обильно пользуются Евангеліемъ отъ Іоанна⁴⁾“. Такъ, къ пророкамъ іудейскаго закона онъ Валентинъ примѣняетъ слова Іисуса Христа изъ Евангелія отъ Іоанна X, ст. 8: „Вси елико ихъ пріиде прежде Мене, татіе суть и разбойницы“. Система Валентина отличается терминологією, заимствованною имъ изъ четвертаго Евангелія; началомъ всѣхъ вещей онъ считаетъ восемь производящихъ принциповъ, которыхъ называетъ Отцомъ, Благодатію, Единороднымъ Сыномъ, Истиною,

¹⁾ Ев. отъ Луки I, 35.

²⁾ Ев. отъ Іоанна I, 9; II, 4.

³⁾ Reuss, въ упом. соч. § 245.

⁴⁾ Ads. Haer., III. 11. § 7.—Сравни. Tischendorf, pag. 15, 20.

Словомъ, Жизнію, Человѣкомъ и Церковію. Перечитайте начало Евангелія отъ Іоанна, и вы найдете эти различныя начала ¹⁾). Система Валентинова также неоспоримо доказываетъ употребленіе имъ синоптическихъ Евангелій. Мы находимъ у него равно какъ и у Василида замѣчательное мѣсто о сверхъестественномъ зачатіи Іисуса Христа—столь замѣчательное, что, по поводу его, произошелъ расколъ между учениками еретика ²⁾). Валентинъ признаетъ Бога Творца,—въ видѣ низшаго бога въ Капернаумскомъ сотникѣ, упоминаемомъ Евангелистами Матѳеемъ и Лукою ³⁾). Онъ полагаетъ, что женщина, страдавшая двѣнадцать лѣтъ потерю крови, и исцѣленная словомъ Господнимъ по свидѣтельству Матѳея, представляла и изображала страданіе и избавленіе двѣнадцатаго принципа его системы и проч. и проч. ⁴⁾). Изъ этихъ примѣровъ видно, что для своихъ нуждъ не было надобности сочинять новыя Евангелія; можно было древнія заставлятъ говорить то, что хотѣли. Валентинъ при цита-тахъ употребляетъ общепринятое выраженіе: „писано бы есть въ св. Писаніи“. Главою секты сталъ опъ въ царство-ваніе Адріана (117—138 г.). Однакожъ исторія показываетъ, что гностики стремились все болѣе и болѣе удалиться отъ евангельской истины по мѣрѣ того, какъ они старѣлись, или разширяли кругъ своего дѣйствія. Вѣроятно что Валентинъ въ началѣ своего поприща старался привить ересь свою къ мощному стволу письменнаго преданія. Свидѣтельство его восходитъ къ тридцатымъ или сороковымъ годамъ вто-раго вѣка ⁵⁾).

¹⁾ Hofstede, pag. 23. Примѣч. 3 и 4. Irenaei Adv. Haes. I c. 8. § 5.

²⁾ Hofstede, pag. 24, 25.

³⁾ Матѳ. XIII, 9. Отъ Луки VII, 8.

⁴⁾ Матѳ. XIX 20, и примѣч.

⁵⁾ Hofstede pag. 30. Употребленіе школою Валентина большей части книгъ Нового Завѣта, самаго Евангелія отъ Іоанна, посланій къ Колоссянамъ, къ Ефессянамъ между 150 и 160 годами самымъ неопровержимымъ образомъ до-

Между Валентиномъ и извѣстнымъ еретикомъ Маркіономъ синопскимъ есть та разница, указанная Тертуллианомъ, что первый пользовался, не искажая Новаго Завѣта, тогда какъ второй сильно урѣзывалъ св. Писаніе. Валентинъ по крайней мѣрѣ щадилъ его¹⁾, тогда какъ Маркіонъ, не стѣсняясь ничѣмъ, отбрасывалъ въ немъ мѣста, которыхъ онъ не принималъ. Этотъ опасный еретикъ, явившись въ Римъ въ 140 году, не оспаривалъ ни давности, ни подлинности Евангелія отъ Іоанна,—онъ прямо и произвольно отвергалъ содержаніе его²⁾. Онъ вполнѣ отвергалъ рожденіе Спасителя,—считая несообразнымъ чтобы Слово, которое ратовало за добро, явилось въ видѣ чего-то сложнаго изъ духа и изъ матеріи, но онъ училъ, что въ пятнадцатое лѣто царствованія императора Тиверія, Слово низшло съ неба на землю, и поучало въ синагогахъ. Авторитетомъ для него служило только Евангеліе отъ Луки, которое онъ искажилъ, и которое называлось Евангеліемъ Маркіоновымъ³⁾. Этотъ врагъ истины противъ себя свидѣтельствуется также о существованіи и о достовѣрности нашихъ четырехъ Евангелій въ церкви съ самаго начала втораго вѣка.

Около половины этого вѣка христіанству пришлось защищаться отъ нападенія сильнаго противника философа Цельса; его надменное отношеніе къ христіанству проложило путь Штраусамъ XIX столѣтія. Между тѣмъ Цельсъ является

казано въ монографіи Georg Heinrici die Valentinianische Gnosis und die Heilige schrift, Berlin, 1870.

¹⁾ De praeser. haereticorum, с. 38.

²⁾ Hofstede, p. 102, 105.

³⁾ Маркіоново Евангеліе опускаетъ новѣшествованіе объ отрочествѣ, о крещеніи и объ искушеніи І. Христа, три притчи—Луки гл. XIII, ст. 1—9.—XV, 11—32.—XL, 9, 18 и сказаніе о торжественномъ вшествіи Спасителя въ Іерусалимъ XIX, 29—46. Ультракритическая школа утверждала, что этотъ памятникъ служилъ св. Луцѣ матеріаломъ для написанія его Евангелія, но эта гипотеза теперь оставлена. Bang, Ritschl. Zeller одинъ за другимъ отвергли ее. Heitwig, въ упомян. соч. pag. 9.

не желаемымъ свидѣтелемъ для дѣйствительныхъ противниковъ христіанскаго преданія, потому что будучи менѣе боязливымъ и осторожнымъ, онъ нападаетъ прямо на учениковъ І. Христа,—составителей Евангелій; онъ преслѣдуетъ ихъ и осмѣиваетъ ихъ на основаніи ихъ самихъ писаній, и открываемыхъ въ нихъ ихъ вѣрованій. Онъ унижаетъ силу сихъ свидѣтельствъ, но не берется оспаривать ихъ подлинность. Онъ судить о христіанствѣ какъ оно есть, на основаніи того, какимъ оно было въ его время, а не по какому-то такъ называемому совершеннѣйшему Евангелію, и болѣе евангельскому нежели Евангеліе Апостоловъ. Онъ чистый, а не на половину, раціоналистъ. Онъ признаетъ или Христа апостольскаго, или не признаетъ никакого; изъ этихъ двухъ положеній онъ избираетъ одно. Никакая критическая разборчивость не препятствуетъ ему признать происхожденіе четырехъ Евангелій и ссылаться на нихъ какъ на авторитетное свидѣтельство, признанное христіанскою церковію. „Все то, что мы излагаемъ, говоритъ онъ, мы извлекли изъ вашихъ писаній; намъ не нужно никакого другаго свидѣтельства потому, что ваше собственное оружіе поражаетъ васъ“¹⁾. Остановившись на разности текста Евангелій или лучше на гностическихъ искаженіяхъ бывшаго въ употребленіи текста, онъ упрекаетъ христіанъ за перемѣну первоначальнаго текста Евангелія на три или четыре разные фасона и даже настолько, насколько заблуждается, дабы съ помощію этихъ измѣненій можно было отрицать то что имъ возражаютъ²⁾. Великій христіанскій писатель Оригенъ возстаетъ противъ такого обвиненія, и обращаетъ его на самихъ еретиковъ³⁾. Какъ бы то ни было, Цельсъ, какъ истинный Штраусъ втораго вѣка, издѣвается напримѣръ, надъ тѣмъ, что при воскресеніи

¹⁾ Tischendorf pag. 20

²⁾ Онъ же pag. 20, примѣч. 2.

³⁾ Orig. Contra Cels. II, с. 27.

Спасителя, одни упоминають о двухъ ангелахъ у гроба Господня, другіе объ одномъ,—одни, это Лука и Іоаннъ—другіе, это Матѣей и Маркъ¹⁾. Онъ цитуеть и критикуеть по своему сказанію о поклоненіи волхвовъ, о бѣгствѣ младенца Іисуса по указанію ангела въ Египеть, о сошествіи на Іисуса Христа Духа въ видѣ голубя при крещеніи, о рожденіи Его отъ Дѣвы, борьбѣ предъ страданіемъ въ Геосиманіи, жаждѣ на крестѣ и многихъ другихъ событіяхъ²⁾. Цельсь имѣеть въ виду особливо Евангеліе отъ Іоанна, когда онъ нападаетъ на названіе Слово Божіе, усвоенное Іисусу Христу, когда онъ не вѣритъ, чтобы іудеи просили у Него знаменія, чтобы Господь утолялъ жажду свою у колодца Іакова, чтобы истекала кровь изъ Его тѣла на крестѣ, чтобы по воскресеніи Господь показывалъ гвоздинныя раны³⁾. Такъ какъ Цельсь писалъ около 150 года, то слѣдуетъ, что четыре Евангелія давно уже пользовались авторитетомъ въ церкви, когда онъ отнесся къ нимъ съ такимъ участіемъ.

Но сильнѣйшее свидѣтельство о подлинности священныхъ нашихъ памятниковъ представляютъ древніе переводы сирскій и латинскій. Первый, называемый *Пешито* (*Peschito*), составленъ въ сирскомъ городѣ Едессѣ, извѣстномъ въ исторіи древней церкви, онъ относится по крайней мѣрѣ ко второй половинѣ II вѣка⁴⁾. Въ Африкѣ также былъ латинскій переводъ, называемый *Itala*, который, по всей вѣроят-

¹⁾ Ев. Мате. XXVIII, 2.—Марк. гл. XVI, 5.—Луки гл. XXIV, 4.—Іоан. гл. XX, 12.

²⁾ Tischendorf, pag. 20, примѣч. 1.

³⁾ Tischendorf, pag. 20, примѣч. 1.

⁴⁾ Tischendorf De la date de nos Evangiles, pag. 43. Это время подтверждаетъ Janichs въ своихъ *Animadversiones criticae in versionem syriacum et c. Vratislaviae, 1870.*—Reuss въ упом. соч. § 308 и 426.—Пешито заключаетъ въ себѣ всѣ книги Нового Завета за исключеніемъ 2 посланія Ап. Петра, 2-го и 3-го посланія Іоаннова, посланія Іуды и Апокалипсиса. Отъ историка Египта знаемъ мы, что въ его время существовало сирское Евангеліе. Допустимъ, что здѣсь дѣло идетъ не о сирскомъ переводѣ, но объ апокрифи-

ности составленъ прежде 170 года. Въ составленіи этого перевода участвовали многіе переводчики, и въ такомъ случаѣ естественно допустить, что онъ совпадалъ съ началомъ распространенія христіанства въ Африкѣ, и былъ изданъ по почину африканскихъ христіанъ. По словамъ Тертуліана латинскій переводъ Евангелія отъ Іоанна, въ концѣ этого вѣка былъ въ такомъ значительномъ обращеніи въ Африкѣ, что вліялъ на образованіе богословскаго языка¹⁾. Другіе признаки, каковы цитаты, приводимыя Тертуліаномъ и латинскимъ переводчикомъ большаго сочиненія Иринея противъ ересей, заставляютъ предполагать, что между 190 и 200 годами латинскій переводъ четырехъ Евангелій, пользовался великимъ уваженіемъ на всемъ Западѣ. Для этого же необходимо, чтобы этотъ переводъ уже существовалъ нѣсколько десятковъ лѣтъ²⁾. Итакъ „то утвердившійся уже фактъ, скажемъ мы съ Тишендорфомъ, что отъ 150 до 200 года, переведены на латинскій и на сирскій языки Евангелія въ числѣ четырехъ—ни больше, ни меньше“. Этотъ фактъ бросаетъ знаменательный свѣтъ на вопросъ объ ихъ давности.

Сверхъ того Тишендорфъ замѣчаетъ, что соединеніе четырехъ Евангелій въ одинъ сборникъ, должно было послѣдовать къ концу перваго вѣка, что въ свою очередь отодвигаетъ написаніе ихъ еще дальше. Дѣйствительно, текстъ древнѣйшей рукописи, именно Синайской, переноситъ насъ

чешскомъ *Евангелии* на сирскомъ языкѣ; во всякомъ случаѣ намъ позволено думать сообразно съ характеромъ, свойственнымъ апокрифамъ, въ отношеніи къ каноническимъ Евангеліямъ, что Сирійское Евангеліе, подобно многимъ другимъ, было составлено по образцу уже принятыхъ документовъ.

¹⁾ Wetscott, Canon ap New Testament, p. 218, 219, 224, 225.—Сравни. Reuss, § 449.

²⁾ Tischendorf, A quelle date & c. pag. 8. Сравни. между прочими два сочиненія Roensch объ этомъ предметѣ—одно въ 510 страницъ подъ заглавіемъ *Italia und Vulgata*, Marburg, 1869, а другое въ 751 стран. подъ заглавіемъ: *Das neue Testament Tertulians*, Leipzig, 1870.

къ половинѣ II вѣка, а внимательное и подробное изученіе этого текста показываютъ намъ, что онъ уже имѣлъ свою исторію; его измѣняли, исправляли на основаніи того, что предполагалось возможнымъ составленіе гармоніи Евангелій¹⁾. Одинъ переписчикъ, на примѣръ, измѣнилъ одно мѣсто въ Евангеліи отъ Луки по параллельному мѣсту въ Евангеліи отъ Матѳея или отъ Марка; другой ввелъ вариантъ въ обратномъ смыслѣ.

Впрочемъ новѣйшая критика отступается отъ своихъ прежнихъ заблужденій. Нѣмецкій профессоръ, раціоналистъ Гольцманъ, въ новомъ своемъ сочиненіи о синоптическихъ Евангеліяхъ, говоритъ: „Въ сущности наши результаты относительно времени составленія синоптическихъ Евангелій, находятся въ удивительномъ согласіи съ данными представляемыми въ этомъ отношеніи церковнымъ преданіемъ. Евангелія наши написаны между 60—70 годами, и въ томъ порядкѣ, въ какомъ помѣщаетъ ихъ канонъ“²⁾. А цюрихскій профессоръ Кеймъ подтверждаетъ также преданіе касательно четвертаго Евангелія, которое онъ относитъ къ концу I-го вѣка. Правда, ему остается только одинъ исходъ—приписывать его пресвитеру Іоанну, а не Апостолу Іоанну, но эта гипотеза ученымъ путемъ была оспариваема, и отринута. Стоить только противопоставить ему слѣдующій важный историческій фактъ. Слѣды Апостола Павла и память о немъ, подъ конецъ I-го вѣка, въ Малой Азіи, уже довольно изгладились. „Единственное лице, которое могло сгладить слѣды шаговъ св. Апостола Павла—это Іоаннъ, возлюбленный ученикъ Іисуса Христа, писатель четвертаго Евангелія“³⁾.

Если скорбятъ о томъ, что нѣтъ точно опредѣленныхъ данныхъ касательно времени появленія Евангелій, то не должно забывать, что они рано сдѣлались богослужебными

¹⁾ Tischendorf, A quelle époque & c, pag. 42.

²⁾ Die Syn. Evangelien, Leipzig, 1863, pag. 414.

³⁾ Gœdet, Compte-rendu & pag. 20—24.

книгами, а для литургіи нѣтъ надобности знать время; въ виду авторитета ихъ она даже теряла изъ виду время ихъ написанія. Исторія всѣхъ древнихъ литургій подтверждаетъ это. Даже въ наше время появляются сочиненія современныхъ писателей безъ означенія времени и безъ введенія къ нимъ. Появляются также возобновленные изданія, въ которыхъ уже указывается время вторичнаго изданія книги, но не время ея написанія. Лишь только манускрипты, подлинныя рукописи Евангелій были истреблены, то переписчики, или новые издатели для церковнаго употребленія не заботились сдѣлать указаніе на мѣсто и годъ, чему они не придавали никакого значенія. И чтобы указать ихъ, необходимо чтобы автографы или самыя первоначальныя ихъ копіи имѣли самыя вѣрныя данныя, чего никакъ нельзя доказать. Наши четыре Евангелія относятся къ I-му вѣку; церковь съ самаго начала признавала ихъ писаніями Апостоловъ—Матѳея, Марка, Луки и Іоанна. Предметъ этотъ кажется намъ доказаннымъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).